

Отзыв

официального оппонента о диссертации Улитиной Натальи Михайловны «Экзистенциальные проблемы человека в творчестве М.Ю. Лермонтова: опыт культурологической интерпретации» на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Вопрос о лермонтовской антропологии был поставлен еще при жизни писателя в критических отзывах о его произведениях, а понятие «лермонтовский человек» прочно утвердилось в современной науке. Н.М. Улитина начало осмысления этого феномена справедливо связывает с именем В.Г. Белинского, который одним из первых попытался разгадать загадку лермонтовского Печорина. Однако, несмотря на многолетние попытки охарактеризовать художественно-философскую концепцию человека в творчестве Лермонтова, этот вопрос нельзя считать полностью решенным. И причины этого коренятся как в специфике самого лермонтовского героя (исследователи неизменно фиксируют, что он постоянно «ускользает» от их определений, остается неразгаданным), так и в том, что каждая эпоха дает свое понимание главных, доминирующих черт в нем, по-своему объясняя одиночество, разочарование, раздвоенность сознания лермонтовского человека, его стремление к смерти.

Н.М. Улитина предпринимает попытку найти ответы на этот вопрос через анализ экзистенциальной проблематики в творчестве поэта. Надо заметить, что сама проблема «Лермонтов и экзистенциализм» не нова и уже не одно десятилетие привлекает внимание исследователей и сама по себе, но также и в более широком контексте. В частности, в диссертации Т.Б. Зайцевой «Художественная антропология А.П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор)» всесторонне раскрывается вопрос «русская литература XIX века и С. Киркегор». В том числе исследовательница обращается и к творчеству М.Ю. Лермонтова (некоторые фрагменты этой диссертации были опубликованы в форме статей и потому легко доступны, однако они остались вне поля зрения Н.М. Улитиной).

Обобщая накопленные знания, Н.М. Улитина справедливо ставит вопрос о необходимости изучения экзистенциальной проблематики в творчестве М.Ю. Лермонтова в культурологическом аспекте, так как «опыт культурологической интерпретации дает возможность, с одной стороны, обобщить богатый, накопленный разными науками материал по изучению многогранного творчества М.Ю. Лермонтова, с другой – проанализировать, опираясь на этот опыт, пути дальнейшего развития русской культуры в

контексте отечественных и мировых традиций» (дис., с. 4). Таким образом, исследование Н.М. Улитиной носит комплексный, обобщающий характер. Его ценность состоит в том, что в нем «введено и обосновано новое понятие в культурологии – «лермонтовский экзистенциальный герой» (в противовес романтическому «байроническому герою») (дис., с. 12). Все вышесказанное свидетельствует об актуальности данной работы.

Чем важно рассмотрение творчества Лермонтова в подобном ракурсе? Дело в том, что данный подход позволяет выйти за границы традиционных контекстов рассмотрения творчества поэта. Как правило, его идеи вписывают в предшествующую философскую традицию (прежде всего когда говорят о раннем этапе творчества) или же, опираясь на свидетельства Ю. Самарина, ученые пытаются понять, как Лермонтов относился к зарождающимся славянофильским идеям. Так или иначе, более или менее целостной картины эстетических, философских воззрений поэта нет, а те немногочисленные исследования о круге идей Лермонтова, которые выходили во второй половине прошлого века, скорее, зафиксировали тот факт, что философские предпочтения поэта – наименее исследованный вопрос в лермонтоведении. Причин этому много: не сохранилась библиотека поэта, а его архив дошел в разрозненном и фрагментарном виде в силу объективных и субъективных факторов (что-то было утрачено из-за кочевой жизни поэта, что-то сознательно уничтожалось А. Шан-Гиреем, известно также, что бабушка после гибели Лермонтова раздала его рукописи, рисунки, книги). Вместе с тем из воспоминаний современников известно, что Лермонтов постоянно читал философские сочинения, следил за русскими и европейскими изданиями, был ориентирован именно на современные идеи и теории (достаточно вспомнить историю на репетициях экзаменов в Московском университете). Поэтому, как правило, круг чтения Лермонтова в области философской литературы восстанавливают по «возможным» признакам: прежде всего по тем лекциям, которые читали профессора Московского университетского благородного университета и Московского университета, где обучался поэт.

Н.М. Улитина пошла иным путем. Она сменила временной вектор (рассматривает не уже утвердившиеся в культурном сознании 1820-1840-х гг. философские концепции, а только еще формирующиеся, нарождающиеся), и тем самым постаралась посмотреть на круг идей Лермонтова не в диахронии, а в синхронии. Методика ее исследования такова: она внимательно прочитывает произведения Лермонтова, старается осмыслить его картину мира, сформулировать ее основные категории, охарактеризовать

лермонтовское восприятие человека и его отношений с социумом и мирозданием и включить эти представления в систему идей, которые в это время еще только формировались в Европе. Таким образом, ей интересно не только то, что наследует поэт из круга идей европейских философов, но то, чему он является зачинателем, сам того, может быть, не осознавая, так как такое мироотношение рождается из непосредственного жизненного опыта, выражает специфические для поколения настроения, вопросы и пока еще не принимает форму завершенной концепции. Так Н.М. Улитина и выходит на параллель «Лермонтов – С. Кьеркегор». Диссертантка отчетливо осознает, что это родство типологическое, а не генетическое (она указывает, что Лермонтов не знал произведений датского мыслителя, так же как и С. Кьеркегор не был знаком с творчеством русского поэта), что экзистенциальные искания Лермонтова идут параллельно с Кьеркегором. Тем самым становится очевидным мировое значение Лермонтова не только как писателя, но и как мыслителя, включенность русской литературы в общеевропейский процесс, когда в ней не ретранслируются идеи, воспринятые из Европы, а получают свое выражение настроения и состояния, которые переживает человек, живущий в России в определенных исторических и политических условиях.

Работа Н.М. Улитиной состоит из введения, двух глав, Заключения, библиографического списка, включающего 230 позиций.

Во Введении представлены все необходимые для этой части диссертации позиции: раскрываются актуальность, новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, степень изученности вопроса, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Экзистенциальные проблемы человека в творческом наследии М.Ю. Лермонтова как предмет культурологического исследования», имеющей теоретико-методологический характер, обозначены принципы того научного похода, который реализован в данном исследовании, его терминологическая база: прежде всего раскрывается содержание термина «экзистенция», высказывается исходная посылка научной концепции работы, суть которой сформулирована следующим образом: «...лермонтовский экзистенциальный герой – это особый историко-культурный тип личности, получивший свое развитие в эпоху первой трети XIX века в России в лице «странного человека», отрицающего реалии окружающей жизни в современном ему социокультурном пространстве» (дис., с. 18). Большое внимание уделено в этой главе анализу предпосылок формирования экзистенциального миропонимания у М.Ю. Лермонтова.

Н.М. Улитина связывает их прежде всего с биографическими факторами (смерть матери, разлука с отцом, неудачи в личной жизни), но также объясняет их социальными причинами. Серьезное внимание уделено воссозданию литературного контекста. Думается, наблюдения и выводы Н.М. Улитиной усилило бы обращение к духовному опыту русский писателей-современников Лермонтова, в творчестве которых раскрываются аналогичные темы и формируется сходное понимание человека. Прежде всего, это Е.А. Баратынский (идеи многих его стихотворений предвосхищают лермонтовские) и А.В. Сухово-Кобылин (в биографии которого, полной трагических разломов, так и видится «возможная» судьба Печорина, не погибни он на обратном пути из Персии).

Во второй главе «Экзистенциальные аспекты творчества М.Ю. Лермонтова в социокультурном контексте» последовательно прослеживается экзистенциальная проблематика в лирике, прозе, драматургии поэта. Эта часть работы структурирована по жанрово-тематическому принципу. Так, Н.М. Улитина рассматривает следующие аспекты художественной проблематики Лермонтова: человек и Бог, проблема жизни, смерти и бессмертия, человек и социум, проблема одиночества и т.д. Все эти вопросы, волнующие лермонтовского героя, Н.М. Улитина пытается осознать через психологическую версию существования человека, разработанную Кьеркегором. О ней она писала в первой главе, теперь же высказанные ранее теоретические положения получают обоснование, аргументацию.

Стоит отметить, что свои наблюдения и выводы Н.М. Улитина делает на основе целостного изучения творческого наследия Лермонтова – не только его художественных, но и изобразительных произведений. Такой разноаспектный анализ является несомненной находкой Н.М. Улитиной, так как, насколько мне известно, живописные произведения Лермонтова никогда ранее не изучались с точки зрения воплощения в них экзистенциальных идей.

К достоинствам работы также стоит отнести увлеченность творчеством поэта, глубокое владение материалом.

Как и каждое исследование, диссертация Н.М. Улитиной вызывает ряд вопросов. Все они носят характер пожеланий, уточнений и никак не связаны с концепцией работы.

1. Определяя новизну своего исследования, Н.М. Улитина формулирует такое положение: «Введено и обосновано новое понятие в культурологии – «лермонтовский экзистенциальный герой» (в противовес романтическому «байроническому герою»)» (дис., с. 12). Напрашивается

вопрос, как соотносятся культурологическое и литературоведческое понимания этого явления – «лермонтовский экзистенциальный герой»? Уточню, что в литературоведении одним из первых это понятие стал использовать Г.В. Москвин (Н.М. Улитина ссылается на его статью «Запрос любви (источник и энергия прозы М.Ю. Лермонтова)», но было бы логичнее обратиться к монографии «Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»» (М.: МАКС Пресс, 2007)), и сейчас оно активно используется в работах о романе «Герой нашего времени», об очерке «Кавказец», о стихотворениях «Валерик», «Завещание» и др. и используется по отношению к человеку, сформировавшему в условиях пограничья (в широком смысле этого слова).

2. В работе, как было сказано выше, творчество Лермонтова рассматривается целостно, однако не всегда в своем анализе Н.М. Улитина следует историко-литературному принципу – иными словами, не учитывает время создания произведения. Так, например, говоря о теме свободы, она приводит такой ряд стихотворений, в которых она стала центральной (при перечислении сохранена последовательность диссертантки): «Листок» (1841), «Соседка» (1840), «Узник» (1837), «Воля» (1831), «Пленный рыцарь» (1840), «Мцыри» (1839), «Вадим» (1832-1834) (дис., с. 85). Конечно, Н.М. Улитина в начале своей диссертации говорит о «спиралевидности» творческой эволюции Лермонтова. Но все же в позднем творчестве поэт, возвращаясь к темам и образам своих ранних произведений, не дублирует их, не повторяет буквально. Он развивается, меняется его мировоззрение, а потому и понимание свободы и характер одиночества у раннего поэта и позднего отличаются. В начале творческого пути, действительно, это переживания чаще всего в «духе Байрона», в позднем – как раз те, которые и можно определить как экзистенциальные. Если бы хронологический принцип был учтен, то и формулировка научной новизны, которая приведена выше, была бы более убедительной.

3. Есть совсем частные замечания, связанные с некоторой категоричностью или неточностью суждений. Приведу лишь два примера. На с. 88 встречаем такую мысль: «Перекладывание своих тяжелых проблем на близких заканчивается предательством. Таков исход карточной темы в повести «Штосс» (1841) и поэме «Тамбовская казначейша» (1838)». Как реализуется эта мысль в «Тамбовской казначейше», приблизительно ясно, а вот в повести «Штосс» нет. О каких и чьих «тяжелых проблемах» идет речь? Старика-призрака? Лугина? Кроме того, повесть не закончена, обрывается фразой «Он решил», а потому нам ничего не известно об исходе той

карточной игры, в которую вступил Лугин. Так же и на с. 87. Там высказывается следующая мысль: «Убийство невинного – главное обвинение Лермонтова против власти: поэт ярко показал ее коварство и жесткость («Песня про купца Калашникова»)». И она не совсем точно отражает основной конфликт произведения, который на самом деле гораздо глубже и сложнее, а произведение вряд ли можно свести только к инвективе.

Еще раз повторюсь, что эти замечания носят частный характер и не влияют на общее впечатление от работы.

Анализ широкого теоретического и научного материала по вопросам исследования, привлечение большого числа научных источников, использование проверенных методов научного исследования обеспечивает исследованию Н.М. Улитиной достоверность и обоснованность полученных результатов.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе (при изучении курсов «История русской литературы», «Культурология», спецкурсов и дисциплин по выбору), а также при комментировании и издании произведений М.Ю. Лермонтова.

Автореферат и 19 публикаций автора, включающих 5 статей в изданиях, рекомендованных ВАК или входящих в международные базы цитирования (Scopus), достаточно полно отражают содержание диссертации.

Диссертация «Экзистенциальные проблемы человека в творчестве М.Ю. Лермонтова: опыт культурологической интерпретации» отвечает требованиям пп. 9-14 действующего Положения о присуждении ученых степеней, и её автор, Улитина Наталья Михайловна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Официальный оппонент – Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература, доцент, профессор кафедры русской литературы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; (831) 433-82-45; yuhnova@flf.unn.ru

22.05.2017 г.

И.С. Юхнова

